

Дождь постепенно стихал, но поднялся сильный ветер. Холодные порывы пробирали до костей, и Гу Инь, чья одежда насквозь промокла, невольно содрогнулся. Он несколько раз попытка подняться, но лозы, обвившие его колени, намертво впечатали его в землю. Дахуан, высунув язык, лежал рядом и с интересом наблюдал за этим представлением.

Гу Инь злился всё больше и больше. Глядя прямо на комнату Линь Цинъю, он не сдержался и громко пожаловался:

— Ты всё равно ничему меня не можешь научить! Я сам о себе забочусь, сам себя защищаю, так с какой стати ты наказываешь меня, когда я возвращаюсь? Что я сделал не так?

Дверь комнаты распахнулась с грохотом. Встретившись взглядом с холодными, подобными острому клинку глазами Линь Цинъю, Гу Инь прикусил язык, почувствовав внезапную робость. Приходилось признать: даже в гневе Линь Цинъю был невероятно красив.

Гу Инь мысленно выругал себя за такие мысли, но всё же упрямо поднял голову, глядя на наставника так, словно был глубоко обижен. Линь Цинъю помолчал, а затем бесстрастно произнёс:

— Ты прав. У меня нет духовной силы, и учить тебя я больше не в силах. Я сообщу заместителю ректора, чтобы он подыскал тебе место получше.

Гу Инь застыл на земле, открыв рот от изумления. Он совсем не это имел в виду! Видя, что Линь Цинъю даже перестал злиться и смотрит на него как на чужого человека, Гу Инь вскочил — лозы как раз ослабили хватку — и бросился вперёд. Он схватил Линь Цинъю за запястье и поспешно воскликнул:

— Нет! Я уже назвал тебя своим учителем, как я могу просто взять и уйти!

Линь Цинъю перевёл взгляд на руку, сжимавшую его запястье, а затем отстранился, его тон был холодным и равнодушным:

— Обряд посвящения не был совершён, так что же здесь невозможного?

Сказав это, он сбросил руку Гу Иня и собрался уходить. Гу Инь запаниковал. Если он действительно уйдёт, в академии его никто не примет. Да и в глубине души он сам не хотел уходить. Гу Инь преградил Линь Цинъю путь. Тот помрачнел:

— Уйди с дороги!

— Не уйду!

Линь Цинъю бросил на него ледяной взгляд, и лозы снова потянулись к Гу Иню. Не заботясь ни о чём, Гу Инь просто упал на колени и обхватил Линь Цинъю за ноги. Тот застыл, широко распахнув свои прекрасные глаза. Лозы рядом замерли, не решаясь двинуться, боясь задеть Линь Цинъю. Наконец Линь Цинъю положил руку на плечо Гу Иня и прорычал сквозь зубы:

— Вставай!

Гу Инь решил пойти напролом, обнаружив, что быть наглецом довольно удобно, и сжал ноги наставника ещё крепче:

— Пока не скажешь, что не выгонишь меня, я не отпущу.

Линь Циньфу усмехнулся. В этом мире ещё никто не мог угрожать ему. Он едва заметно шевельнул пальцами, и лозы, больше не колеблясь, вонзились в Гу Иня. Тот вскрикнул от боли, но рук не разжал. Одурманенный страданиями, Гу Инь попытался достать нефритовый кулон, надеясь, что тот облегчит боль, но эффекта не было.

Увидев, что хватка ослабла, Линь Циньфу, наконец избавившись от его цепких рук, без колебаний пнул Гу Иня. В груди всё перевернулось, и Гу Инь, не зная, как пережить этот момент, просто закрыл глаза: будь что будет, лучше уж потерять сознание!

Линь Циньфу был слаб здоровьем, да и сил приложил немного, поэтому не рассчитывал, что Гу Инь отключится. Но тут подул ледяной ветер, и, глядя на то, как промокшая одежда Гу Иня липнет к телу, он сам почувствовал холод. Линь Циньфу колебался, стоит ли силой вышвырнуть парня с Пика Бусянь, когда зелёные листья лоз поникли, а сами стебли начали покачиваться, словно умоляя о пощаде.

В конце концов, сдерживая кашель и видя покрасневшее лицо Гу Иня, Линь Циньфу подумал о том, что парень простоял на коленях под дождём по его вине.

— Ладно, — пробормотал он, — раз уж я заварил эту кашу, в будущем буду учить его как следует. Затаскивайте его внутрь.

Лозы немедленно подхватили Гу Иня и втащили в комнату. На Пике Бусянь больше никого не было, и, подойдя к ученику, Линь Циньфу обнаружил, что у того начался сильный жар. Он приложил прохладные пальцы к запястью Гу Иня, с недоумением глядя на его лицо. Пульс был слабым, а внутри ощущалась некая тлетворная аура. Такой пульс бывает только у умирающих.

Линь Циньфу нахмурился: Гу Инь всегда выглядел таким энергичным, неужели его здоровье настолько плохо? Проверив меридианы, он убедился, что те полностью заблокированы, а энергия течёт вспять. Стало ясно: подобное тело не способно удерживать духовную силу, он действительно безнадёжен в плане совершенствования.

К счастью, слабое здоровье самого Линь Циньфу сделало его экспертом в медицине. Он был уверен, что может вытащить с того света даже мёртвого, что уж говорить о простом неумении совершенствоваться. Хотя себя самого он спасти не мог.

Дождь превратился в мелкую морось, но холодный ветер пробирал до костей. Линь Циньфу с каменным лицом оставил лозы присматривать за Гу Инем, а сам взял бумажный зонт и отправился на грядки с лекарственными растениями. Обычно, работая там, он закатывал

рукава, чтобы не испачкаться, но болезнь Гу Иня возникла по его вине, а он не любил оставаться в долгу. Поэтому он принялся за работу, не заботясь о чистоте. Поскольку с зонтом собирать травы было неудобно, к тому времени, как он закончил, он сам промок до нитки.

Когда он вернулся в маленький дворик, лозы затрепетали, увидев его состояние. Зелёные листья бешено затряслись, а затем от стебля отломилась сухая веточка. Раздался треск, промелькнула искра, и сухая лоза вспыхнула. Линь Цинъю посмотрел на растение, и его взгляд смягчился. От огня стало теплее. Он быстро обработал травы, сварил отвар и, зажав нос Гу Иню, влил лекарство ему в рот. Гу Инь, весь горящий от жара, хмурился, словно пребывая в кошмаре.

Линь Цинъю покосился на него и тихо произнёс:

— Серебряные иглы.

Лоза метнулась в сторону и тут же принесла иглы. Не колеблясь ни секунды, Линь Цинъю быстро ввёл несколько игл в голову Гу Иня.

А Гу Инь, потеряв сознание, обнаружил себя стоящим на заснеженной горе, уходящей в бесконечные небеса. Холодный ветер свистел вокруг, но, на удивление, лицо совсем не мёрзло. Его чувства обострились, и он увидел у подножия горы бесчисленное множество людей. Кровь, стекавшая с их тел, окрасила снег в ярко-алый цвет. Другие люди, переступая через трупы, рвались вверх с красными от ярости глазами, хрипло выкрикивая:

— Вперёд! Убейте демона!

— Убейте его, отомстите за тысячи невинных душ!

— Смерть! Этот демон заслуживает тысячи смертей, убейте его!

Какой ещё демон? Он о таком не слышал. Гу Инь отвёл взгляд — бесконечный снег резал глаза. В этот момент он услышал странный звук. Опустив глаза, он увидел, что его тело насквозь пронзено мечом!

Чёрт!

Рассудок Гу Иня прояснился. Он поднял глаза на того, кто стоял перед ним. Белоснежные одежды, нефритовый венец, длинные волосы, прилипшие к тонким губам от сильного ветра. Пара бездонных, полных скрытой боли глаз, рука, сжимающая серебряный длинный меч, на котором мерцали золотые заклинания. Всё это придавало человеку невероятный, поистине божественный облик. Если бы не тот факт, что лицо этого человека было точной копией лица его прекрасного наставника Линь Цинъю, а меч в его руке только что безжалостно пронзил сердце самого Гу Иня, он бы непременно присвистнул от восхищения.

От этой картины Гу Иня бросило в дрожь. Линь Цинъю действительно убил его!

<http://bllate.org/book/18807/1829247>